

УДК 821

*Г.В. Мосалева***ХРАМОВО-КОРАБЕЛЬНАЯ ОБРАЗНОСТЬ В «ОБЛОМОВЕ» И.А. ГОНЧАРОВА**

В статье рассматривается специфика воплощения храмово-литургического сюжета в романе И.А. Гончарова «Обломов» и основные топосы повествования в нем: дома-почвы и чужбины-океана. Образ Обломова связан с почвенной Россией сакральными, историческими, культурными нитями, его «лежанье» на диване символизирует сознательный выбор, связанный с отказом от внешней жизни и сосредоточенностью на сфере созерцания. Божественная статика благодати Обломова противопоставлена динамике и разнообразию тщеславия, лжи и пустоты «модного общества». «Герою во фраке», ориентированному на европейскую культуру, Гончаров противопоставляет «героя в халате», поставившего себя вне общественной моды и устремленного к вечности. «Золотое», «голубиное» сердце Обломова является метафорой скинии-храма, предуготовленной для встречи с Христом, свидетельством чего являются иконичные и храмовые черты образа Обломова, мотив воскресения и гипербола устойчивости образа. Образ Обломова прочитывается в работе как тип созерцателя-путешественника, выбравшего прямой евангельский путь, но отказавшегося от деятельного участия в жизни как человек-христианин: оттого он остался только мудрецом-Платоном. Вместе с тем, Обломов сохранил свое сердце-храм как благу почву Обломовки-России для будущего христианского преображения.

Ключевые слова: литургичность, образ корабля, герой, сердце как храм.

Образ России как корабля возникает непосредственно во «Фрегате “Паллада”» Гончарова, переросшем жанр географических очерков и ставшем, на наш взгляд, эпосом-обозрением, представляющим разные картины мироустройства. «Военный парусник» становится у Гончарова символом Дома-Почвы, противостоящим топосу Чужбины-Океана, воплощающего в себе, помимо других значений (к примеру, Хаоса), идею Верности Дому-Почве:

«Увижу новое, чужое и сейчас в уме прикину на свой аршин. Я ведь уж сказал вам, что искомый результат путешествия – это параллель между чужим и своим. Мы так глубоко вросли корнями у себя дома, что, куда и как надолго бы я ни заехал, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногах, и никакие океаны не смоют ее!» [1. Т. 2. С. 70].

Текст «Фрегат “Паллада”» имеет рамочную «рождественскую структуру», связанную с церковно-календарным временем: повествование начинается и заканчивается с упоминания о празднике Рождества. Таким образом, время начала и конца рождающегося Текста-Путешествия Гончарова сакрализуется как Рождественское. Путешествие от Рождества к Рождеству, то есть в онтологически линейное, храмово-литургическое время, предопределяет рождение новых сакральных смыслов, связанных с Рождеством Господним.

В общем аспекте «Фрегат “Паллада”» – это не только текст-плавание, но и текст-путешествие, так как Гончаров возвращался в Петербург сухим путем через Сибирь, вследствие поломки военного парусника «Паллада».

Именно события-встречи, связанные с возвращением Гончарова через Сибирь, способствовали осознанию спасительного пути развития для России, ее духовной миссии, олицетворением которой стали матрос Сорокин и преосвященный Иннокентий – настоящие богатыри духа, русские патриоты, подлинные герои. По мнению Е. Краснощековой, «в описании размаха деятельности владыки Иннокентия – признание успеха его высокой христианской Миссии», а «в подвижничестве православного духовенства, по Гончарову, «проявились лучшие качества «исполина, что восстал ото сна» – пробудившегося русского народа: выносливость, бескорыстие, доброта» [3. С. 227]. Рассматривая примыкающие к «Фрегату “Паллада”» очерки и статьи Гончарова, Е. Краснощекова обращает внимание на поэтизацию таких исторических фигур, как генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский – «цивилизатор-преобразователь» и Александр Второй как «великая фигура современного героя» [3. С. 225-226].

В контексте сибирских встреч Россия-Корабль, по мысли Гончарова, способна преодолеть любые природные и социальные стихии, если она соединит в себе возможности материального и духовного развития и, главное, окажется верна своему предназначению – страны, родившейся во Христе и призванной стать примером истинного христианского просвещения для других стран и народов.

Образ корабля восходит к Священному Писанию. Ноев ковчег – первый образ в Ветхом Завете, прообразующий церковь Христову, спасающую всех, кто вошел в нее. Форма корабля как Ноева ковчега является одной из ранних в церковной византийской архитектуре. Новый Завет наследует сотериологический смысл образа корабля, с которого Христос, к примеру, в Евангелии от Иоанна (Ин., 6:23), обращается со словом проповеди к народам: вне Христа невозможно достичь пространства спасения – Небесного Иерусалима. Спаситель всходит в корабль с учениками, оставляет их для молитвы и возвращается к ним, идя по морю и спасая Петра, дерзнувшего пойти по волнам (Мф., 14:22-33). Находясь на корабле, Он повелевает ветрам утихнуть (Лк., 22-25). Образы корабля как церкви Христовой, моря, тонущего Петра, испугавшихся учеников – глубоко символичны. Если корабль – это церковь, то море и шторм символизируют человеческую жизнь с ее событиями. Всякий раз, когда ученики, забыв имя Христа, испытывают растерянность и страх, Спаситель напоминает им: «Азь есмь, не бойтесь» (Мф., 14:22-33; Мк., 6:45-51).

Образ храма как символа сакральной России возникает уже в «Обыкновенной истории», где судьба Александра Адуева оказывается профанно-пародийной и не переплетается с судьбой исторической России, вследствие его осознанного отказа от храма: в своей взрослой жизни герой остается сторонним наблюдателем богослужения, изменяя «младенческим верованиям». Этой измены автор не прощает герою, деформируя его «возрастной» портрет в категориях эстетики безобразного: герой лысеет, толстеет, деревенеет.

Свое полнокровное онтологическое бытие образ России как храмовый корабль спасения обретает во «Фрегате “Паллада”». В романах «Обломов» и «Обрыв» этот образ не обязательно воплощается как визуальная пространственная форма, связанная с корабельно-храмовой образностью, но чаще всего опосредованно, через другие образы и внутренние смыслы и планы повествования.

В любом случае, в каждом из романских текстов Гончарова, на наш взгляд, содержатся мотивы храмово-литургического сюжета, главным символическим образом которого является храмовая Россия как воплощение России идеальной.

Рассмотрим проявление символического образа России как храма-корабля в романе «Обломов».

Россия-Обломовка, казалось бы, никак не связана с образом корабля. Тем не менее, эта связь есть, и осуществляется она, прежде всего, через главного героя этого романа Илью Ильича Обломова – путешественника-созерцателя.

Завершая свою статью о втором романе Гончарова, А.В.Дружинин формулирует причины любви русского читателя к этому образу:

«Он дорог нам как человек своего края и своего времени, как незлобный и нежный ребенок, способный, при иных обстоятельствах жизни и ином развитии, на дела истинной любви и милосердия... Он дорог нам по истине, какою проникнуто все его создание, по тысяче корней, которыми этот-художник связал его с нашей родной почвою. И наконец, он любезен нам как чудак, который в нашу эпоху себялюбия, ухищрений и неправды мирно покончил свой век, не обидевши ни одного человека, не обманувши ни одного человека и не научивши ни одного человека чему-нибудь скверному» [2. С. 227-228].

Несмотря на любовь к «дивану» и связанную с ним физическую статику и неприятие к реальному перемещению, Обломов созерцательно динамичен. На вопрос литератора Пенкина: «Что ж вы читаете?» Обломов отвечает «да все путешествия больше», но тут же отказывается ехать в Екатеринбург на «гулянье»: одно дело – «путешествие», а другое – «гулянье». На все тот же вопрос Штольца Обломову об отсутствии книг в его доме Обломов указывает на «Путешествие в Африку». Гончаров по ходу повествования углубляет нелюбовь героя к *физическому движению*:

«Он не привык к движению, к жизни, к многолюдству и суете... в лодку он сел с неверною надеждою добраться благополучно до другого берега» [1. Т. 4. С. 62].

Иронически, «едко», «с досадой» реагирует «добряк» Обломов на совет доктора отправиться за границу или хотя бы изменить образ жизни на подвижный:

«– Наконец, – заключил доктор, – к зиме поезжайте в Париж и там, в вихре жизни, развлекайтесь, не задумывайтесь: из театра на бал, в маскарад, за город с визитами, чтоб около вас друзья, шум, смех...

– Не нужно ли еще чего-нибудь? – спросил Обломов с худо скрытой досадой.

Доктор задумался.

– Разве попользоваться морским воздухом: сядьте в Англии на пароход да прокатитесь до Америки...

<...>

– Хорошо, хорошо, непременно исполню, – едко отвечал Обломов, провожая его» [1. Т. 4. С. 87].

Вначале студент университета, затем чиновник, Обломов отказывается от деятельности в пользу «лежания», бывшего для него «нормальным», а не болезненным или сонным состоянием и, соответственно, – от «фрака» в пользу «халата»:

«На нем был халат из персидской материи, настоящий восточный халат, без малейшего намека на Европу, без кистей, без бархата, без талии, всегда поместительный, так что и Обломов мог дважды завернуться в него... Халат имел в глазах Обломова тьму неочтенных достоинств: он мягок, гибок; тело не чувствует его на себе; он, как послушный раб, покоряется самомалейшему движению тела» [1. Т. 4. С. 8].

«Персидским халатом» Обломова Гончаров, прежде всего, сигнализировал об отказе инерционного воспроизведения европейского «героя во фраке» – наследника Петровских реформ как героя русского романа. В описании халата Обломова подчеркивается его отдельность от европейской культуры: «халат» героя – «без малейшего намека на Европу», «поместителен», «мягок» и «гибок». «Халат», в отличие от фрака, не сковывает движений героя, становится, по сути, его вторым телом, слушающимся своего обладателя. «Халат», по замечанию Волкова, вышел из моды, что говорит об Обломове как о герое, сознательно отказываю – героя «века сего». «Халат» оказывается вещью, отодвинутой в прошлое и простирающейся в будущее. У халата есть свой сюжет, своя драматическая история, он «переживает» своего обладателя: Обломову не удается избавиться от него.

Помимо фрака, Обломов отказывается от жилета и галстука как символов официальной жизни, предпочитая «простор и приволье». Именно в первых главах, изображающих «посетителей» Обломова, обнаруживается контраст между ними и хозяином «дома». Так, в ответ на восторг Волкова по поводу приемов в доме князя Тюменева:

«– Ах, какой дом! Нынешнюю зиму по средам меньше пятидесяти человек не бывало, а иногда набиралось до ста!..» Обломов отвечает реакцией ужаса: «– Боже ты мой! Вот скука-то должна быть адская!» [1. Т. 4. С. 21].

Скучны Обломову и «разговоры обо всем» и «об искусствах»: «Век об одном и том же – какая скука!». Вместе с тем Обломов не безучастен, он радуется успехам своего бывшего сослуживца Судьбинского, но сочувствует его невозможности принадлежать самому себе, «адски работать» даже «после обеда»:

«Он испытал чувство мирной радости, что он с девяти до трех, с восьми до девяти может пробыть у себя на диване, и гордился, что не надо идти с докладом, писать бумаг, что есть простор его чувствам, его воображению» [1. Т. 4. С. 27].

Мировоззрение Обломова проясняется в разговоре с модным литератором Пенкиным – сторонником «реального направления» в литературе, суть которого в обличении «падшего человека». Обломов спорит с Пенкиным, воспаляясь по поводу его слов о злости и смехе презрения в отношении «падшего человека», о стремлении его «извергнуть из гражданской среды»:

«Вы одной головой хотите писать! – почти шипел Обломов. – Вы думаете, для мысли не надо сердца? Нет, она оплодотворяется любовью... Извергнуть из гражданской среды... Это значит забыть, что в этом негодном сосуде присутствовало высшее начало; что он испорченный человек, но все человек же, как вы сами. Извергнуть! А как вы извергнете его из круга человечества, из лона природы, из милосердия Божия? – почти крикнул он с пылающими глазами» [1. Т. 4. С. 27].

В этом эпизоде Гончаров изображает «другого» Обломова, в котором читателю становится заметна «вулканическая работа пылкой головы» и «гуманного сердца». Правда, пафос благородного негодования Обломова Пенкин тут же снижает восклицанием: «– Вон куда хватили!». Обломов, осознавая бессмысленность спора, зевает и «медленно» ложится на диван.

В шестой главе первой части Гончаров погружает читателя во внутренний мир Обломова, ощущающего себя не «исполнителем чужой, готовой мысли», а творцом и исполнителем «своих идей», в течение нескольких лет неумоимо работающего над планом устройства имения, живущего в мире высоких помыслов, плачущего над «бедствиями человечества» и «безыменными страданиями», воображающего себя «непобедимым полководцем», «мыслителем», «великим художником». Он часто устремляет «печальный взгляд в окно, к небу, с грустью провожает глазами солнце», в «горькие

минуты» встанет с постели на колени и начнет молиться жарко, усердно, умоляя небо отвратить как-нибудь угрожающую беду» [1. Т. 4. С. 68].

Описание этой насыщенной внутренней жизни Ильи Ильича Гончаров завершает замечанием о том, что о ней «никто не знал» и не мог ее видеть, включая Штольца, которого «никогда не было в Петербурге». Это означает, что только авторское знание Обломова можно считать полным. Получается, что почти все герои судят об Обломове только с внешней стороны: он почти никому не раскрывается до конца. В этой главе Обломов предстает человеком-идеалистом, соизмеряющим жизнь с Высшим Началом, милосердием Божиим, но в мире Обломова это никому не интересно. От главы к главе свойство милости и доброты Обломова будет неизменно сопровождать его образ.

Жизнь Обломова протекает в соответствии с церковным календарем. Интересно, что Ольгу как раз это и не устраивает: «А с тобой мы стали бы жить изо дня в день, ждть Рождества, потом масленицы...» [1. Т. 4. С. 374]. В ответ на риторический вопрос Захара по поводу женитьбы Обломова на Ольге «Стало быть, свадьба-то после Рождества будет?» Обломов закатывает сцену возмущения. Лишь однажды, в пору влюбленности в Обломова Ольга едет помолиться о нем в Смольный, потому что Обломов «указал ей эту церковь с реки» [1. Т. 4. С. 347].

Вообще, в сюжете Обломова из «трех главных актов жизни»: родин, свадеб и похорон, присутствующих жителям Обломовки, остаются два: рождение и смерть. «Свадьба» в представлении Обломова является воплощением суеты, изменой миру покоя и веселья.

Как антипод Ольги Агафья Матвеевна живет в согласии с временем церкви: «Из главных героев только Агафья Матвеевна важнейшие акты своей жизни переживает в церкви», «только эта героиня любит истинно христианской любовью в романе» [5. С. 233]. Агафья Матвеевна любит Обломова безусловно, оттого ее восприятие героя ближе всего к авторскому.

В конце концов, ее жизнь с Обломовым образует семейное единство в контексте церковного времени: «На масленице и на Святой вся семья и сам Илья Ильич ездили на гулянье кататься...» [1. Т. 4. С. 481].

Как только Обломов переезжает в дом Агафьи Матвеевны и знакомится с ней и ее детьми, он становится деятельным и решительным, проявляя неподдельный интерес к семейству вдовы. Его притягивает к себе «земная красота», хозяйственность и чистота Агафьи Матвеевны: «Чиновница, а локти хоть бы графине какой-нибудь; еще с ямочками» – подумал Обломов» [1. Т. 4. С. 309]. Он с радостью занимается с детьми хозяйки, проявляя в этих занятиях инициативу, читает книги. Любовь Обломова к детям и детская к Обломову – одного качества: она совершенно искренняя. В отношении к детям проявляются лучшие свойства души Обломова: заботливость, ответственность, бескорыстие. Любовь детей к Обломову свидетельствует и о вечно детской душе героя, сохранившего незлобие и кротость евангельского ребенка.

«Покой и мирное веселье» на Выборгской побеждают его тяготение к Морской. Приход, с которым связана церковная жизнь Агафьи Матвеевны, посвящен Рождеству. В этот храм Агафья Матвеевна прибегает к ранней обедне, чтобы подать записки о здравии Ильи и помолиться:

«...бежала в церковь, подавала бумажку в алтарь, помянуть за здравие, потом отходила в угол, бросалась на колени и долго лежала, прижав головой к полу...» (выделено мной. – Г.М.) [1. Т. 4. С. 384].

В описании молитвы Агафьи Матвеевны Гончаров акцентирует внимание на неэстетизме выражения ее религиозных чувств, роднящих ее с простым народом. Изображение молитвенной позы Агафьи Матвеевны подобно изображению в «Обыкновенной истории» молящихся в храме старух за богослужением во время всенощной, куда отказывается войти Александр Адуев:

«Церковь была почти пуста: крестьяне были на работе в поле; только в углу у выхода теснилось несколько старух, повязанных белыми платками. Иные, пригорюнившись и опершись щекой на руку, сидели на каменной ступеньке придела и по временам выпускали громкие и тяжкие вздохи, бог знает, о грехах ли своих, или о домашних делах. Другие, прижав к земле, долго лежали ниц, молясь» (выделено мной – Г.М.) [1. Т. 1. С. 309].

В отличие от Ольги, в Агафье Матвеевне нет самолюбия и рефлексии о том, как она выглядит со стороны. Весь смысл ее существования в служении людям. Обломов неоднократно призывает ее отдохнуть, перестать работать, но Агафья Матвеевна только коротко отвечала: «Бог труды любит!» [1. Т. 4. С. 477]. Агафья Матвеевна царствует в кухне, ее движение автор не раз сопровождает глаголом «плавает».

Она самоотверженно служила неласковому мужу чиновнику, самозабвенно – Обломову, а после его смерти она продолжает быть «живым маятником в доме», не знает жалости к себе, забывает о том, что она помещица и могла бы жить независимо, для себя, но трудится для семьи брата. Каждую неделю Агафья Матвеевна приходит на могилу мужа, в кладбищенскую церковь, где молится и плачет. Она отказывается от предложения Штольца жить всем вместе в деревне, тем более что Штолец берет на воспитание их сына, Андрея: «Где родились, жили век, тут надо и умереть» [1. Т. 4. С. 496].

Кроме автора никто не смог ни разглядеть, ни оценить по достоинству духовной стороны ее личности. Как и Обломов, Агафья Матвеевна была слишком проста и не интересна окружающим ее людям.

В отличие от Обломова и Агафьи Матвеевны, Ольга и Штолец оказываются вне храмового контекста. Любовное чувство между ними вспыхивает вне России, в Париже, а после свадьбы они селятся в одном из морских городов, что символизирует идею вечного движения героев, противоположную обломовской идее устойчивости и почве. «Море» для топоса Обломовки и для Обломова как ее наследника – вызов и катастрофа, измена предназначению, атмосфере «покоя и мирного веселья».

В финале романа в разговоре Штольца и Ольги об Обломове неожиданно возникает образ океана как пространства зла и лжи, которому противостоит *сердце Обломова*. Причем вначале гимна Обломову Штолец высоко отзывается и об его уме, который, по его характеристике, не меньше других, но «зарыт, задавлен он всякою дрянью и заснул в праздности». Это важное замечание, показывающее разрыв ума и сердца, утрату целостности личности, означает, что не весь Обломов спит, но только его «ум», связанный с волевой, деятельной стороной души.

Гимн Штольца Обломову связан, конечно же, с его сердцем, которое «дороже всякого ума», оно «честное» и «верное», именно оно предмет особой любви всех, кто сумел его оценить: «Это его природное золото; он невредимо пронес его сквозь жизнь. Он падал от толчков, охлаждался, заснул, потеряв силу жить, но не потерял честности и верности. Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало к нему грязи». Среди качеств, отмечаемых в Обломове Штольцем, неоднократно называются «честность, верность, чистота». В дальнейшем эти свойства лишь углубляются, и возникает образ героя, наделенный «иконическими» чертами, создающими как проекцию образа агиографического, восходящего к первообразу, так и непосредственно проекцию самого первообраза. В приведенном фрагменте визуальным маркером иконического образа является метафора «золото». Сердце Обломова – «золото», оно высветлено до степени святости.

В следующем фрагменте в описании свойств личности Обломова просвечивает скрытый, предельно лаконичный сюжет агиографического героя, уже стяжавшего божественную статику благодати, оттого и не любит Обломов «движение», ведущее от соблазна к соблазну, от греха к греху: «Не обольстит его никакая нарядная ложь, и ничто не совлечет на фальшивый путь; пусть волнуется вокруг него целый океан дряни, зла, пусть весь мир отравится ядом и пойдет наыворот – никогда Обломов не поклонится идолу лжи, в душе его всегда будет чисто, светло, честно». В этом фрагменте проявляется мотив пути, звучащий в романе «Обыкновенная история». И если Александр Адуев никак не может найти верный путь, то для Обломова противоестествен ложный путь. Если вокруг Обломова находится «океан дряни, зла», то сердце героя символизирует храмовый корабль спасения: в сердце героя как скинии-храме «чисто, светло, честно»:

«... Это хрустальная, прозрачная душа; таких людей мало; они редки; это перлы в толпе! Его сердца не подкупишь ничем; на него всюду и везде можно положиться... никогда не встречал сердца чище, светлее и проще; многих любил я, но никого так прочно и горячо, как Обломова. Узнав раз, его разлюбить нельзя» [1. Т. 4. С. 473-474].

Помимо углубления и расширения «иконических» свойств сердца Обломова – хрустальности, прозрачности, его сравнения с перлом – жемчугом, в этом гимне о друге Штолец выделяет его качества неподкупности, надежности, чистоты, светлости и простоты – качества богочеловеческие. Невозможно положиться на человека, он изменчив, а на сердце Обломова «всюду и везде можно положиться» – это *гипербола устойчивости*. Именно это свойство сердца Обломова вызывает к нему прочную и горячую любовь людей, причем такую, что его «разлюбить нельзя».

Как отклик на гимн Штольца об Обломове в воспоминании Ольги «воскресло кроткое, задумчивое лицо Обломова», его нежный взгляд и покорность. Слово «воскресло» воиконовляет образ Обломова как первообраз, во всяком случае, включает его в совершенно определенный христоцентричный контекст.

По замечанию В.И. Мельника, «в окончательной редакции «Обломова» все религиозные акценты сняты или, вернее сказать, скрыты. Если бы все евангельские дары Обломова были освящены в романе именем Христовым, то перед нами был бы совсем иной образ, очевидно напоминающий Мышкина из романа Достоевского «Идиот». Не случайно работая над образом князя Мышкина, Достоевский записал: «Обломов – Христос»» [4. С. 43].

А.В. Дружинин, как мы помним, назвал Обломова «чудаком», вкладывая в этот эпитет значение идеальности героя, близкой к святости юродства. В связи с этим мы никак не можем согласиться с мнением, что «преувеличенный акцент на наивной мудрости и простоте Ильи Ильича способен завести в дебри несуразностей» [3. С. 285]. Во всяком случае, дружининское прочтение образа Обломова нам кажется более убедительным. Кроме того, Дружинин своей статьей об Обломове заложил основы духовно-эстетического, объективного понимания природы художественного текста и образности.

Внутренний мир Обломова – идеален и аскетичен, но о нем, кроме автора так же, как и в отношении Агафьи Матвеевны, не догадывается никто. С внешней стороны, его воспринимают как добряка-ленивца, добровольно погибающего в «яме, в болоте». Обломов, как известно, умирает во сне, время года не уточняется, но из описания Гончаровым могилы героя становится понятно, что это время вечных весны и лета:

«Ветви сирени, посаженные дружеской рукой, дремлют над могилой, да безмятежно пахнет полынь. Кажется, сам ангел тишины охраняет сон его» [1. Т. 4. С. 492].

Символичны и жесты Обломова «на одре смерти», на котором он кротко покоился, «как на ложе сна»: «только голова немного сдвинулась с подушки да рука судорожно прижата была к сердцу, где, по-видимому, сосредоточилась боль и остановилась кровь» [1. Т. 4. С. 492]. Могила Обломова упоминанием об ангеле тишины, возможно, сопоставляется с церковью, находящейся рядом. Прижатая к сердцу рука фиксирует метафоричность испытывающего боль сердца Обломова – символа России сердечной.

Однако Обломов отказывается от борьбы со злом, к которой призван христианин. Символично, что Гончаров называет своего героя Платоном, языческим мудрецом, воспитанным «не как гладиатор для арены, а как мирный зритель боя» [1. Т. 4. С. 480]. Пространство обитания Обломова сравнивается с могилой, норой крота и мыши, с гробом, формирующим внутренне аскетический идеал героя:

«С летами волнения и раскаяние являлись реже, и он тихо и постепенно укладывался в простой и широкий гроб остального своего существования, сделанный собственными руками, как старцы пустынные, которые, отворотясь от жизни, копают себе могилу» [1. Т. 4. С. 481].

Надежды автора романа связаны с Андреем Ильичом – сыном Обломова и Агафьи Матвеевны. От отца Андрей наследует сердце, а от матери – жертвенность и труд, от друга – имя: «...поведу твоего Андрея, куда ты не мог идти...и с ним будем проводить в дело наши юношеские мечты» [1. Т. 4. С. 491]. В конце романа Штольц в мысленном разговоре с Обломовым сообщает, что Обломовка теперь «не в глуши» и через четыре года станет станцией дороги, по которой хлеб Обломова будет доставляться к пристани, а прежняя Обломовка «отжила свой век!».

Таким образом, мотивы России как храмового корабля спасения в финале романа связаны с надеждами на будущее. Сердце-храм Ильи Ильича оказывается залогом развития России. Герой не смог реализовать волевою силу души, но смог сохранить верное, честное, чистое и светлое сердце-храм, ту почву Обломовки-России, которую не смогут смыть «никакие океаны».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8 т. М. : Художественная литература, 1977–1980. Т. 1: Обыкновенная история. Произведения 1838–1842 гг.: Роман. 1977. 526 с.; Т. 2: Фрегат "Паллада". Очерки путешествия в двух томах. Т. 1. 1978. 334 с.; Т. 4: Обломов: роман в 4 ч. 1979. 534 с.
2. Дружинин А.В. «Обломов». Роман И.А.Гончарова // Возвращенная критика XIX века. Антология. Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2009. С. 202-228.
3. Краснощекова Е. Гончаров. Мир творчества. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2012. 528 с.
4. Мельник В.И. Гончаров и православие. М.: Дар, 2008. 544 с.
5. Мельник В.И. Гончаров. М.: Вече, 2012. 431 с.

Поступила в редакцию 12.09.17

IMAGERY OF A TEMPLE AND A SHIP IN THE NOVEL “OBLOMOV” BY I.A. GONCHAROV

The following article considers some peculiarities of the novel “Oblomov” by I.A. Goncharov meant to reveal its temple and liturgic plot as well as its main topoi: house-earth and ocean-outland. The image of Oblomov is rooted into Russia’s earth with its sacral, historical and cultural context. Oblomov’s lying on the sofa symbolizes his conscious choice, reflected in his freedom from the external life and the focus on observation. Oblomov’s spiritual statics is opposed to dynamics and various forms of vanity, falseness and vacuum of the “establishment”. I.A. Goncharov opposes the “hero in the dress-code” focused on the European culture to the “hero in the dressing gown” who happens to be outside the public fashion and sets his heart on the eternity. Oblomov’s pigeon heart, his heart of gold is a metaphor of tabernacle meant for the meeting with the Christ. And it is proved by Oblomov’s iconic and temple features, the motive of resurrection and the hyperbola of the image’s stability. The image of Oblomov is interpreted in the paper as a type of the “traveler-beholder”, who has chosen the straight evangelic way but who is free from the involvement in the surroundings as a Christian. Therefore he was still regarded as wiseman Plato. Nevertheless Oblomov preserved his heart-temple as breeding grounds for Oblomovka-Russia and for further Christian transformations.

Keywords: liturgics, image of a ship, hero, heart as a temple.

Мосалева Галина Владимировна,
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская 1 (корп. 2)
E-mail: mosalevagv@yandex.ru

Mosaleva G.V.,
Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: mosalevagv@yandex.ru